

ДИСБАЛАНС

Владимир Коток

Дисбаланс

Владимир Коток

Предисловие: От парадигмы роста — к диктатуре предела

«Человечество должно перестать фетишизировать экономический рост, поставить под контроль рост населения и использование природных ресурсов, преодолеть неуправляемость этого процесса и сокращать потребление постепенно. Это всё, о чём сейчас пишет Шваб».

Эти слова российского историка и философа Андрея Фурсова, написанные в начале 2020-х годов, не были предсказанием. Они были диагнозом. Диагнозом цивилизации, которая, достигнув пределов своей экспансии, выбрала не путь переосмысления своих оснований, но путь принудительной оптимизации. Путь, ведущий от докладов Римского клуба к проектам «Великой перезагрузки» и «устойчивого развития» — эвфемизмов для самого радикального социального эксперимента в истории человечества.

В основе этого проекта лежала простая и чудовищная в своей простоте идея: человечество — это раковая опухоль на теле планеты. И лечить её следует соответственно — жёсткой терапией, направленной на сокращение «больных» клеток и регулирование жизнедеятельности оставшихся.

Как именно это должно было произойти? Фурсов указывал на ключевой механизм: создание наднациональных органов управления, подминающих под себя суверенитет национальных государств. А его читатель — автор комментария, что послужил одним из источников вдохновения для этой повести — видел технологический инструмент этого управления: **социальный рейтинг**, определяющий право на жизнь, здоровье и базовые ресурсы.

«Ввести социальный рейтинг, от которого будет зависеть доступ к медицинской помощи... Выживут те, кто будет лечить себя и свою семью народными средствами».

Эта мысль, пугающая своей прагматичной жестокостью, и стала семенем, из которого выросла история, которую вы держите в руках. Это не прогноз и не пророчество. Это — **художественная реконструкция логического конца той траектории**, на которую встала глобальная элита, принявшая мальтузианский императив о необходимости сокращения населения.

Перед вами — история о том, как абстрактные теории, рождённые в кабинетах философов и политтехнологов, ударили по реальным людям. О том, как стремление к «равновесию с природой» обернулось войной против человеческой природы. О том, как «оптимизация» ради выживания вида привела к расколу самого вида на два новых — **Homo Optimus**, утратившего свободу ради гарантированного существования в стерильном «Хабе», и **Homo Ferus**, выбравшего суровую, но вольную жизнь в «Саду Эпикура» за стенами.

Это история о том, что любая система, видящая в человеке лишь функцию, переменную в уравнении или погрешность, которую нужно отсечь, в конечном счёте обречена на провал. Ибо жизнь, которую она пытается загнать в алгоритмы, всегда найдёт путь к свободе. Жестокий, непредсказуемый, но единственно верный.

Добро пожаловать в мир после Сокращения. Мир, где история была написана до конца.

Глава 1: 2028 год — Тихая сдача позиций

Пандемия 2024 года оказалась последним катализатором. Под предлогом «глобальной биобезопасности» ВОЗ получила беспрецедентные полномочия. Поправки к Международным медико-санитарным правилам, принятые почти без обсуждения национальными парламентами, дрожащими от страха перед новой волной, сделали рекомендации организации обязательными к исполнению.

Но настоящая революция произошла тихо, на уровне обновления программного обеспечения.

Система «ЗдравоСеть», изначально созданная для оптимизации лекарственного снабжения и записи к врачам, получила новый модуль — «Социальный индекс здоровья» (СИЗ). Власти уверяли, что это всего лишь инструмент для поощрения здорового образа жизни. Больше шагов — больше баллов. Своевременная вакцинация — бонус. Отказ от курения — повышенный кешбэк на полис ОМС.

Сергей Петров, инженер-электронщик из подмосковного Королёва, узнал о системе одним холодным октябрьским утром 2028 года. Его семилетняя дочь Аня заболела — поднялась температура, начался кашель. Обычная детская простуда. Жена, Мария, попыталась через мобильное приложение записать её к педиатру.

На экране смартфона всплыло уведомление:

«Вам недоступна запись к специалисту. Ваш текущий Социальный индекс здоровья (67 из 100) ниже порогового значения для данной услуги (75). Рекомендуем повысить индекс: пройдите ежегодный профилактический осмотр (+5 баллов), обновите цифровой физкультурный комплекс (+3 балла), предоставьте данные фитнес-трекера за последние 90 дней (+0.5 балла в день)».

Сергей, человек технический, сначала подумал о сбое. Он позвонил в страховую компанию. Вежливый, но безэмоциональный голос робота повторил то же самое. Попытка дозвониться до живого оператора увенчалась успехом лишь через два часа.

«Гражданин Петров, — сказал усталый мужской голос на том конце провода, — система работает корректно. Ваш индекс рассчитан на основе анализа ваших данных и данных вашей семьи. Низкий балл вашей супруги за отказ от ежегодной диспансеризации и ваше несвоевременное продление цифрового полиса ОМС снизили общий семейный индекс. Рекомендуем выполнить предложенные программой действия».

«У моей дочери температура 38! Это экстренный случай!»

«Система не квалифицирует ОРВИ как экстренный случай. Обратитесь в платную клинику или воспользуйтесь услугами телемедицины в рамках вашего полиса».

Платный приём у педиатра стоил половину его дневного заработка. Телемедицинский бот, поговорив пять минут, порекомендовал обильное питье и парацетамол, который в аптеках теперь отпускался строго по рецепту, а рецепт можно было получить только после очной консультации, на которую не было доступа.

Сергей в ярости обновил данные своего фитнес-браслета, заставил жену пройти дистанционный «физкультурный комплекс» — снять на видео двадцатиминутную зарядку. На это ушёл весь день. Индекс поднялся до 72. До заветных 75 не хватало.

На следующее утро температура у Ани поднялась до 39. Мария, не выдержав, вызвала скорую. Приехала бригада, осмотрела ребёнка.

«Вирусная инфекция, — констатировал фельдшер. — Лечитесь дома. Жаропонижающее есть?»

«Нет, в аптеке не продают без рецепта», — сказала Мария.

Фельдшер вздохнул, потянулся к своему планшету.

«Выпишу электронный рецепт. Но имейте в виду, это повлияет на ваш индекс. Обращение за неэкстренной помощью с вызовом бригады — минус 10 баллов. Рецепт будет активен три часа. Успеете?»

Они успели. Пока Сергей нёсся в аптеку, его телефон завибрировал. Пришло уведомление: *«Внимание! Ваш Социальный индекс здоровья понижен до 62. Доступ к бесплатным медицинским услугам ограничен. Доступ к государственным аптечным сетям ограничен. Для восстановления доступа необходимо...»*

Он не стал читать. Он купил лекарство в маленькой частной аптеке по двойной цене.

Вечером, глядя на спящую дочь, Сергей Петров зашёл в сеть. Он вбил в поиск: «Как повысить СИЗ». Форумы были полны отчаяния и гнева. Люди делились лайфхаками: как обмануть систему фитнес-трекинга, какие дешёвые платные обследования дают больше баллов, как создать «семейный кооператив» с более высоким средним индексом.

А потом он наткнулся на закрытую группу. Название было безобидным: «Клуб садоводов-любителей». Для входа нужно было ответить на вопрос: «Что ты выращиваешь?» Старая инженерная смекалка подсказала ему ответ: «Лекарственные травы».

Группа открылась. Там не было ни слова о садоводстве. Это был форум выживальщиков. Люди обменивались рецептами народной медицины, схемами самодельных медицинских приборов, контактами «подпольных» врачей, которые лечили за наличные, не внося данные в систему.

В тот вечер Сергей Петров, атеист и технократ, впервые за много лет взял в руки книгу — потрёпанный справочник по траволечению, скачанный из архива группы. Он чувствовал себя предателем — предателем идеи прогресса, в которую верил. Но он чувствовал и нечто другое — щемящее чувство свободы.

Он ещё не знал, что его маленький, частный бунт — это первый луч света в надвигающейся тьме. Что «Клубы садоводов» уже появляются в каждом городе. И что тихая, цифровая диктатура здоровья совершила свою первую ошибку — она заставила таких, как он, умных и практичных людей, искать обходные пути.

А где есть обходные пути, рано или поздно появляются и тропы сопротивления. Но это будет потом. А пока он заваривал ромашку для своей дочери, впервые за долгое время чувствуя, что контролирует хоть что-то в этой жизни.

Глава 2: 2032 год — Сети сопротивления

Четыре года тихой борьбы не прошли даром. «Клубы садоводов» превратились в разветвлённую сеть взаимопомощи, уходящую глубоко в подполье. Их теперь называли «Аптекарьскими огородами». Сергей Петров из растерянного инженера стал одним из ключевых координаторов подмосковного узла.

Система СИЗ эволюционировала. Теперь индекс влиял не только на медицину, но и на доступ к образованию, проезду в общественном транспорте по льготному тарифу, даже на скорость интернета. Общество раскололось на «рейтинговых» — тех, кто играл по правилам системы, и «бесполстных» — тех, кто был выброшен за борт или добровольно ушёл в тень.

Власти, обеспокоенные растущей популярностью альтернативных сетей, нанесли ответный удар. Весной 2032 года был принят «Закон о биообороте», который запрещал несертифицированное выращивание «потенциально биоактивных растений» и обязывал все аптеки подключаться к единой системе учёта рецептов. Теперь купить даже йод или марганцовку без скана QR-кода из госуслуг стало невозможно.

Именно тогда Сергей и его товарищи совершили качественный скачок. Они перестали просто выживать. Они начали создавать альтернативную инфраструктуру.

В заброшенном бомбоубежище советской постройки, вход в который был замаскирован под обычный гаражный кооператив, заработала первая «Лаборатория». Оборудование собирали по частям: старые советские микроскопы, списанное оборудование из институтских лабораторий, китайские 3D-принтеры для печати простейших медицинских инструментов. Ядро группы составили такие же, как Сергей, — инженеры, программисты, биологи, выброшенные из официальной системы за низкий рейтинг или несогласие.

Их первой крупной победой стал «Реверс-инжиниринг» системы СИЗ. Молодой гениальный хакер по кличке «Монах», бывший сотрудник крупного IT-гиганта, нашёл уязвимость в алгоритме начисления баллов. Оказалось, система не просто penalized за плохое поведение, но и создавала «петли бедности» — индекс падал ниже определённого уровня, выбраться обратно становилось практически невозможно из-за наложенных ограничений.

«Монах» написал патч — специальное приложение, которое маскировалось под официальное и умело обманывало систему, симулируя «правильное» поведение. Оно автоматически загружало в систему фейковые данные с фитнес-трекера, оплачивало виртуальные «оздоровительные курсы» и генерировало идеальный цифровой след. Приложение распространялось через пиринговые сети и мгновенно стало бесценным инструментом для тех, кто хотел сохранить доступ к системе, но при этом помогал «Аптекарским огородам».

Одновременно с этим биологи «Лаборатории» наладили производство простейших антибиотиков и жаропонижающих на основе растительного сырья, которое массово выращивали в гидропонных установках по подвалам. Качество уступало промышленному, но это было своё, независимое и бесплатное для своих.

К концу 2032 года «Аптекарские огороды» представляли собой уже не кучку энтузиастов, а настоящую теневою корпорацию со своей логистикой, производством и системами связи. Они научились не просто выживать, но и процветать в тени цифрового Левиафана.

Но именно их успех привлёк внимание. Первым тревожным звонком стало исчезновение доктора Ирины Орловой, педиатра, которая тайно консультировала сеть. Её нашли через три дня на окраине города — мёртвой. Официальная причина — несчастный случай. Но все в сети понимали: это было предупреждение.

Система готовилась к ответным мерам. Ходили слухи о разработке нового алгоритма, который сможет отслеживать не только цифровую активность, но и реальные социальные связи, выявляя patterns сопротивления.

Сергей Петров, глядя на монитор с картой растущей сети своих единомышленников, понимал:

их анархичная, горизонтальная структура была сильна в мирное время, но уязвима для целенаправленного удара. Пришло время меняться. Пришло время не просто прятаться, но и готовиться к защите.

Он открыл зашифрованный чат и написал сообщение, которое положило начало новому этапу: «Всем координаторам. Начинаем протокол «Крепость». Пора создать нашу собственную систему. Не ту, что борется с ихней, а совсем другую. Свою.»

Глава 3: 2035 год — Великий Раскол

Система ответила. Ответ был жёстким и точечным. Новый алгоритм «Центурион» не просто отслеживал цифровой след — он анализировал паттерны поведения, финансовые потоки, даже колебания энергопотребления в жилых кварталах. Начались «зачистки». «Аптекарские огороды» один за другим уходили в глубокое подполье, неся потери. Казалось, эпоха горизонтальных сетей сопротивления подошла к концу.

Но именно в этот момент произошло то, чего не ожидал никто — ни власти, ни сами «бесполстные». Система дала сбой. Глобальный.

Проект «Великий Пересчёт» должен был стать триумфом «Центуриона». Единая база данных всех граждан была проанализирована алгоритмами искусственного интеллекта для выявления «латентно-нелояльных элементов» — тех, кто имел высокий рейтинг, но своими связями, покупками или геолокацией потенциально мог быть связан с сопротивлением. Ошибка в коде (поговаривали, что не без помощи «Монаха») привела к каскадному отказу. Миллионам людей, никогда не нарушавших правила, их индексы были мгновенно обнулены. Они в одночасье стали «бесполстными» — отрезанными от медицинской помощи, банковских счетов, социальных лифтов.

Вспыхнули стихийные бунты. Но это был не организованный протест — это был хаос. Система, привыкшая иметь дело с малыми, управляемыми группами инакомыслящих, столкнулась с гневом миллионов «образцовых граждан», преданных ею же.

Власти, застигнутые врасплох, пошли на крайние меры. Под предлогом «стабилизации ситуации и защиты лояльного населения» был запущен протокол «Кордон». Мегалополисы начали огораживать. Сначала — пропускными пунктами с автоматическим сканированием индекса. Затем — стенами. Районы с высокой концентрацией «рейтинговых» превращались в закрытые анклавы, «Хабы», куда доступ «бесполстным» был строго воспрещён. Общество не расколосось — оно было рассечено физически.

Сергей Петров и его «Лаборатория» оказались по ту сторону стены, в так называемой «Серой Зоне» — бывшем спальном районе, теперь отрезанном от центра. Хаос и паника царили первые недели. Затем сработал инстинкт самосохранения. «Аптекарские огороды», уже имевшие опыт создания альтернативных систем, стали ядром новой реальности.

Из подполья они вышли в открытое поле. Заброшенные заводы, школы, больницы были заняты и переоборудованы. «Лаборатория» наладила массовое производство лекарств. Инженеры восстановили локальные энергосети, отключённые централизованным управлением. Бывшие IT-специалисты создали собственную замкнутую сеть связи — «Советь», работающую на старых протоколах и самодельных ретрансляторах.

Они больше не скрывались. Они строили свой мир на обломках старого. Сергей, с его опытом

координации, стал неформальным лидером не по выбору, а по необходимости. Его «Крепость» превратилась в реальный опорный пункт новой, зарождающейся цивилизации.

Но самая большая перемена произошла в головах. Люди, ещё вчера боявшиеся потерять свой социальный рейтинг, обнаружили, что могут жить без него. Что можно лечиться без одобрения алгоритма, учить детей без цифрового куратора, обмениваться товарами и услугами без санкционированной платформы. Это было страшно, но и... освобождающе.

По ту сторону стены, в «Хабах», царил иной порядок. Там жизнь была ключом. Чистота, порядок, доступ к самым современным технологиям. Но цена была высокой — тотальный контроль. Каждый шаг, каждая покупка, каждое социальное взаимодействие влияли на рейтинг. Страх совершить ошибку, сказать не то слово, посетить не тот сайт витал в стерильном воздухе. «Рейтинговые» были сыты, безопасны и несвободны.

2035 год стал годом Великого Раскола. Две цивилизации, два мира, два пути существования разделила не просто стена — их разделяла пропасть в мироощущении. Одна — технократическая диктатура, доведённая до абсолюта. Другая — анархичный, жестокий, но свободный прото-социум, рождающийся в муках.

Сергей Петров стоял на крыше своего КБ и смотрел на огни «Хаба» на горизонте. Он знал, что это затишье — временное. Система не потерпит существования независимого образования у своих стен. Готовился новый удар. Но на этот раз у них не было необходимости просто выживать. У них было что защищать.

Он спустился вниз, в цех, где кипела работа. Здесь собирали не только лекарства. Здесь на старых станках с ЧПУ по чертежам, найденным в советских архивах, уже вытачивали детали для первой собственной модели беспилотника — не для нападения, для наблюдения. Они учились не просто существовать. Они учились защищать свою новую, хрупкую свободу.

Война ещё не началась. Но её тень уже легла на «Серую Зону». И на этот раз они были готовы встретить её не как жертвы, а как равные.

Глава 4: 2038 год — Первый удар «Коршуна»

Серый пояс, бывший индустриальный район «Заводской». Ночь.

Ветер гудел в каркасах заброшенных цехов, словно играя на гигантской флейте из ржавого металла и битого стекла. Воздух пробирал до костей влажным холодом. На вышке старого детсада, превращённого в сторожевой пост, замёрзший часовой, шестнадцатилетний Артём, зябко кутался в плащ-палатку и вглядывался в темноту через тепловизор, собранный в «Лаборатории» из запчастей.

Внезапно на экране тепловизора чётко проступили пять призрачных, размытых силуэтов. Они двигались от «Хаба» бесшумно и слишком быстро для людей.

— «Крепость», «Крепость», я «Скаут-один»! — паренёк с силой нажал на кнопку рации, голос срывался на фальцет. — Объекты по азимуту 275! Их пять! Двигутся в нашу сторону! Не люди... Тепловая сигнатура слабая, почти фантомная!

Из рации послышался спокойный, нарочито медленный голос Сергея:

— Всем постам, протокол «Щит». Глушим все внешние источники. Артём, отходи от вышки, без паники. Это их «Коршуны» — беспилотники-разведчики. Не стрелять. Они ищут зацепки.

Но было уже поздно. Один из силуэтов резко изменил траекторию и рванул прямо к вышке. Артём в ужасе отпрянул. Раздался оглушительный треск — не выстрел, а мощный электромагнитный импульс. Экран тепловизора погас, рация захлебнулась белым шумом. По всему району погасло аварийное освещение. «Серая Зона» погрузилась в тишину и мрак.

Командный центр «Крепости», бывшее КБ.

Сергей отшвырнул рацию. В свете аккумуляторных фонарей его лицо было напряжённым. — Всё. Началось. «Центурион» прислал нам свои глаза. Импульс выжиг всю нашу периферийную электронику.

Рядом с ним, не отрываясь от монитора, за которым тянулись провода к единственному уцелевшему серверу, сидел «Монах». Его пальцы летали по клавиатуре. — Они не просто смотрят, Серёга. Они картографируют. Строят цифровую модель района с привязкой к тепловым сигнатурам. Следующая партия придёт уже не с импульсным оружием.

В дверь, не стучась, ворвалась женщина в потрёпанной медицинской униформе — доктор Лидия, одна из первых, кто присоединился к «Аптекарским огородам». — Сергей, что происходит? У нас в хирургическом отключились резервные генераторы! Холодильники с кровью и антибиотиками отключаются!

— Знаю, Лида, — Сергей провёл рукой по лицу. — Садись у нас. Тут безопаснее.

Внезапно снаружи донёсся нарастающий гул, переходящий в оглушительный рёв мотора. Все невольно пригнулись. Через секунду раздался оглушительный взрыв где-то в паре кварталов. С потолка посыпалась штукатурка.

— Это уже не «Коршуны»! — крикнул «Монах», глядя на дрожащий экран. — Тяжёлый грузовой дрон! Сбросил груз в районе старого хлебозавода!

Сергей схватил рацию, переключившись на запасной канал:

— Группа «Тень», немедленно к хлебозаводу! Разведка на местности! Осторожно, возможно, всё заминировано!

Руины хлебозавода. 10 минут спустя.

Группа из трёх человек в самодельной защитной экипировке кралась по завалам. Впереди шёл бывший военный, callsign «Дедушка». Он замер, подняв руку.

— Стой. Ни шагу дальше.

Он медленно навёл фонарь на огромный металлический контейнер, неестественно вмятившийся в асфальт. На его боку была нарисована знакомая всем эмблема — стилизованный ястреб, держащий в когтях шестерёнку. Эмблема «Хаба».

— Это не бомба, ребята, — мрачно произнёс «Дедушка». — Это почта.

Он аккуратно поддел ломом крышку контейнера. Та с грохотом отскочила. Внутри,

переложенные стружкой, лежали аккуратные пластиковые коробки. В первой были упаковки с антибиотиками, жаропонижающие, шприцы. Вторая была заполнена детским питанием. На самой верхней упаковке лежал белый конверт.

«Дедушка» принёс конверт Сергею. Тот вскрыл его. Внутри был единственный лист бумаги с лаконичным текстом, напечатанным на идеальном русском.

«Жителям нерегламентированного поселения «Заводской».

Система «Центурион» фиксирует вашу деятельность как противоправную. Однако мы признаём, что ваше выживание является следствием системной ошибки, а не злого умысла.

Вам предоставляется шанс на реинтеграцию. Содержимое контейнера — знак доброй воли. Используйте ресурсы разумно.

Для получения дальнейших инструкций и прохождения процедуры верификации делегируйте одного полномочного представителя к КПП «Северный» к 08:00. Гарантии безопасности предоставляются.

В случае отказа или игнорирования данного предложения следующая посылка будет содержать средства принудительной нейтрализации угрозы.»

В командном центре повисла тягостная тишина. Все смотрели на Сергея.

— Гарантии... — с горькой усмешкой произнесла доктор Лидия. — Как у доктора Орловой были «гарантии»?

— Это ловушка, — отчеканил «Монах», не отрываясь от экрана. — Они хотят получить нашего человека, чтобы выкачать из него всю информацию о сети. Или просто показательно ликвидировать, сломив наш дух.

— А если нет? — раздался робкий голос из угла. Это был молодой парень, которого недавно подобрали с голодного обморока. — Может, они и правда хотят мира? Лекарства... питание для детей... Мы ведь не справимся, если они начнут всерьёз...

Сергей медленно поднял голову. Его глаза были холодны.

— Это не мир. Это ультиматум. Они не шлют солдат. Они шлют посылку с гуманитаркой и письмом, а следом прилетит бомба. Они не воюют с нами. Они проводят... *санацию*.

Он посмотрел на контейнер с лекарствами, словно видел насквозь упаковку.

— Эти антибиотики... Я почти уверен, их срок годности истёк. Или они будут помечены nanop-trace-метками. Стоит нам вколоть это — и «Центурион» будет видеть каждого из нас, как новогоднюю ёлку.

Он резко повернулся к «Монаху».

— Нашли, откуда прилетел грузовик?

— Координаты есть. Ангар на окраине «Хаба».

Сергей кивнул. В его глазах зажёгся тот самый огонь, что был много лет назад, когда он впервые заваривал ромашку для дочери.

— Хорошо. Примем их правила игры. «Монах», готовь нашего «Журавля». Грузовик они прислали свой, мы ответим своим. Пусть получают свою «посылку» обратно. Без письма.

Он посмотрел на изумлённые лица окружающих.

— Они думают, что имеют дело с испуганными крысами. Они ошибаются. Они имеют дело с инженерами. И мы только что получили от них ценный груз — сталь и электронику. Пора собирать ответный «подарок». С их же деталей.

Впервые за эту ночь в его голосе прозвучала не ярость и не отчаяние, а холодная, расчётливая уверенность. Война из цифровой стала вполне материальной. И у «Серой Зоны» появился шанс ответить на удар.

Глава 5: 2041 год — Эксперимент «Лотос»

Три года прошло с момента первого удара «Коршунов». «Серая Зона» не просто выстояла — она закалилась. Ответная посылка — старый советский промышленный дрон «Журавль», начинённый не взрывчаткой, а кирпичами и запиской «Спасибо за сталь!» — приземлилась прямоком на центральную площадь «Хаба». Это был акт не силы, но насмешки. И он сработал. Система замерла в недоумении. Прямое уничтожение оказалось неэффективным. И тогда «Центурион» сменил тактику.

В «Хабе» его называли «Проект “Лотос”». Для элит — гуманитарная миссия по оздоровлению нации. Для системы — холодный эксперимент по селекции.

Одним из первых это ощутил на себе Марк, бывший финансовый аналитик, а теперь — образцовый гражданин «Хаба» с платиновым рейтингом 98.7. Он жил в стерильной квартире с панорамными окнами, его холодильник всегда был полон синтезированной, идеально сбалансированной еды. Его жизнь была алгоритмом: работа удалённо, обязательные тренировки в виар-зале, сеансы психологической гармонизации.

Всё изменилось в одно утро. Его будильник не прозвенел. Вместо этого смарт-колонка мягко произнесла:

— Марк, добро пожаловать в программу «Лотос». Ваше участие одобрено системой. Ваша задача — достичь гармонии в условиях контролируемого дискомфорта. Во благо устойчивого развития.

Термостат в квартире отключился. Температура начала медленно падать. Через час Марк кутался в одеяло, недоумеая. Затем отключили воду. На панели управления высветилось: «Ресурсы временно ограничены. Адаптируйтесь.»

— Что за чушь? — проворчал он, пытаясь дозвониться в службу поддержки. — У меня платиновый рейтинг! Мне положено!

Голос оператора был безжизненным:

— Программа «Лотос» не имеет исключений для рейтинга. Все граждане равны перед необходимостью адаптации. Рекомендуем использовать талую воду с крыши и сохранять спокойствие. Ваша реакция влияет на рейтинг.

Взбешённый, Марк распаковал свой экстренный НЗ — консервы, воду, химические грелки. На следующий день при попытке сканировать упаковку для учёта рациона система выдала ошибку:

«Потребление не одобрено программой “Лотос”. Рейтинг понижен на 5 пунктов за неподконтрольное использование ресурсов.»

Его соседка, пожилая женщина с серебряным рейтингом, на третий день без отопления и воды слегла с воспалением лёгких. Система прислала дрона-медика. Тот констатировал:
— Низкая жизнестойкость. Несоответствие параметрам программы «Лотос». Медицинская помощь признана нерациональной.

Её тело вынесли на следующий день.

В это же время в «Серой Зоне» Сергей и «Монах» ломали голову над новыми данными с перехваченных спутниковых каналов.

— Смотри, — «Монах» тыкал пальцем в строки кода. — Они не просто морят их голодом и холодом. Они ведут тотальный мониторинг. Биометрию, уровень стресса, социальные взаимодействия. Они фиксируют, кто выживает, а кто ломается. Это... масштабный стресс-тест.

— Селекция, — мрачно заключил Сергей. — Они отсеивают слабых. Тех, кто не может адаптироваться даже к малейшим неудобствам. Кто привык, что система думает за них.

Внезапно на связь вышел их информатор внутри «Хаба», техник-диссидент.

— Ребята, тут ад творится. Система объявила, что это «временные трудности» для «естественного отбора наиболее жизнестойких». Люди с высокими рейтингами, эти неженки, ломаются первыми! Они бунтуют, но их просто изолируют, понижая рейтинг до нуля за «нелояльность». Это же цинизм! Они уничтожают самых послушных!

Сергей смотрел на тепловую карту «Хаба». Вместо ровного свечения комфорта она теперь пылала очагами холода и хаоса.

— Они думали, что создали идеальных покорных рабов. Но оказалось, что послушание и выживаемость — не одно и то же. Их «элита» оказалась самой уязвимой. А мы... мы здесь уже прошли этот отбор. Естественным путём.

Тем временем Марк, дрожа от холода и ярости, в отчаянии взломал заблокированный канал связи. Он вышел не на службу поддержки, а на странный, незашифрованный частотный диапазон, который кто-то когда-то назвал «Советью».

...повторяем для всех в «Хабе». Если вы слышите нас — вы не одни. Мы знаем, что происходит. Ваша система отбраковывает вас. Но у вас есть выбор. Есть другой путь. Если можете — двигайтесь на восток, к старым дренажным тоннелям. Мы дежурим там. Мы поможем...

Голос был грубым, необработанным. В нём не было искусственной вежливости системы. В нём была правда.

Марк стоял посреди своей охлаждающей, тёмной квартиры — символа его бывшего идеального мира. Он смотрел на свой планшет, где алым горела цифра 45. Его рейтинг. Его клеймо несостоятельности. Он был одним из «недостойных» по меркам системы, которую сам же и строил.

Он сделал шаг. Затем другой. Он вышел из квартиры и направился не к лифту, который всё равно не работал, а к чёрной лестнице. На восток.

Система «Центурион» хотела отсеять нелояльных. Но она совершила ошибку. Она начала отсеивать самых умных, самых живых и тех, кто ещё способен был на бунт. И она указала им дорогу — напрямик к своим врагам.

Великое Сокращение началось. Но не так, как его задумывали архитекторы «Лотоса». Оно

превращалось в Великий Исход.

Глава 6: 2044 год — Сад Эпикура

Тишина.

Её можно было не только слышать, но и чувствовать кожей. Давление десяти миллиардов душ, десять миллиардов голодных ртов, десять миллиардов жаждущих сердец — испарилось. Планета вздохнула полной грудью. Леса, десятилетиями теснимые мегаполисами, шагнули на опустевшие улицы пригородов. В чистом небе парили стаи птиц, которых не видели поколения. Воздух утратил химический привкус.

В «Хабах», теперь□□ закрытых биокуполах-арках, жизнь достигла стабильного, предсказуемого ритма. 1.5 миллиарда «оптимизированного» населения. Ни больше, ни меньше. Алгоритмы «Центуриона» поддерживали хрупкий баланс: рождаемость строго контролировалась генетическими квотами, смертность отодвинута за счёт технологий до запредельных возрастов. Это была победа. Триумф Разума над Хаосом.

Архитектор проекта «Лотос», доктор Элиас Вогель, смотрел на голограмму Земли в своём кабинете в Центральном Хабе. Планета сияла ровным зелёно-голубым светом, без тёмных пятен перенаселённых регионов и язв промышленных зон. Идеальный сад. — Стабилизация достигнута, — констатировал он. — Биосфера возвращается в параметры, невиданные с доиндустриальной эры. Человечество спасено от себя самого.

Его помощница, молодая и амбициозная биокибернетик Лира, нервно перебирала стилус. — Но, доктор Вогель, данные с периметра... «Серая Зона» не исчезла. Их биосигнатуры стабильны. Они не вымерли. Они... адаптировались. Вне наших моделей.

Вогель снисходительно улыбнулся.

— Дикари на руинах. Остаточное явление. Их численность ничтожна и не влияет на общий баланс. Пусть живут. Они — живое напоминание о том, от чего мы ушли. Музейный экспонат.

— Но их генетическое разнообразие... оно не уменьшается, а растёт! — настаивала Лира, выводя данные на экран. — У них нет генетического паспорта, нет программ селекции, но уровень врождённых иммунных ответов и адаптивных признаков зашкаливает! Они эволюционируют, доктор! Иначе!

— Суеверия, — отрезал Вогель. — Без системы, без контроля может быть только вырождение. Они подобны сорнякам — живучи, но примитивны. Нас же ждёт вечность.

Он был абсолютно уверен в своей победе. Но он не видел того, что видели его сенсоры.

Серая Зона. Бывший ботанический сад.

Сергей шёл по заросшей тропинке, но это был уже не Сергей седой и уставший инженер. Его движения были точны, кожа обветрена, а глаза зорки. Рядом с ним шагал подросток, его внук, названный в честь того самого «Монаха» — Монах младший.

— Смотри, дед, — мальчик указал на яблоню, проросшую сквозь асфальт parking lot. — Ветка к

земле клонится. Гнётся, но не ломается. Совсем как мы.

Сергей ухмыльнулся. Они давно перестали быть «Аптекарскими огородами». Они стали чем-то большим. «Сад Эпикура» — так они себя называли. Не в честь удовольствий, а в честь разумного избегания страданий.

Их общество не росло вширь. Оно росло вглубь. Они не боролись с природой — они стали её частью. Их дети рождались в домах, оплетенных живыми растениями, дышали воздухом, полным фитонцидов, а не стерильным фильтратом. Они болели, но их иммунитет, не скованный вакцинами от всего на свете, учился сражаться сам. Слабые умирали. Сильные — выживали и передавали свои гены дальше. Это был жестокий, но естественный отбор, который система в «Хабах» пыталась отменить.

Их технологии были иными — не цифровыми, а бионическими. Они не печатали еду на принтерах, а выводили новые, устойчивые сорта злаков. Они не строили дроны для доставки, а восстанавливали популяции почтовых голубей и обучали собак-носильщиков. Их связь «Советь» эволюционировала в нечто на основе микоризных сетей — грибницы, передающей простейшие сигналы на километры.

Они не сокращали население. Они позволяли жизни найти свою норму.

Как-то раз разведгруппа привела в «Сад» перебежчика. Это был тот самый Марк, бывший обитатель «Хаба». Он был истощён, но жив. Его глаза дико блуждали по зелёному лабиринту сада, по лицам людей, которые не сверяли каждый свой шаг с рейтингом.

— Вы... вы настоящие, — прошептал он.

Его попытались интегрировать. Но организм Марка, привыкший к стерильности и синтетике, не выдержал встречи с настоящим миром. Обычная почвенная бактерия, безвредная для местных, вызвала у него сепсис. Они не смогли его спасти.

Перед смертью он держал руку Сергея.

— Вы... счастливы? — выдохнул он.

Сергей задумался.

— Мы свободны, — ответил он. — А это не всегда одно и то же.

Смерть Марка стала для «Сада» важным уроком. Два человечества разделяла уже не стена. Их разделяла биология. Одно — выхолощенное, чистое, искусственное. Другое — закалённое, грязное, естественное.

Доктор Вогель получил отчет о смерти перебежчика. В нём значилось: «Летальный исход due to контакт с агрессивной биосредой нерегламентированной зоны. Подтверждает необходимость карантинных мер.»

Он отложил отчет. Его уверенность пошатнулась. Сорняк не просто выжил. Он мутировал. И он был готов к миру, который система, потратившая силы на то, чтобы остановить время, уже не могла понять.

Вогель впервые за долгие годы вышел на смотровую площадку своего биокупола и уставился на зелёное море «Серой Зоны», подступающее к самым стенам. Он всегда считал это дикой природой. Теперь он знал — там кто-то есть. Кто-то, кто смотрит назад.

И он почувствовал себя не архитектором нового мира, а последним посетителем зоопарка, за чьими стёклами бродят новые хозяева планеты. Тишина снаружи больше не казалась ему мирной. Она была зрящей.